

Фарғонада истиқомат қилаётган Россиянинг очарчилик ҳудудларидан кўчирилган очлар вилоятнинг оч аҳолиси ризқи ҳисобига кун кечирарди.

Туркистон халқи Россиянинг очарчиликка учраган баолаларини бу қийинчиликлардан қутқаришда, уларга озиқ-овқат, бошпана, кийим-кечак беришда юксак инсоний фазилатларни намоён қилиб, ўз саҳоватларини аямай, халқимизга хос бағрикенглик намуналарини кўрсатганлар.

«Ужасы советской действительности» или «новое будущее страны»: памир, Киргизия и их жители в документально-литературных произведениях (1930–1950 гг.)

Ойбек Махмудов

Институт истории АН РУз, к.и.н., доцент

Как известно литература, во всех ее проявлениях и видах, обычно является в той или иной мере отражением эпохи, в которой живет автор. Конечно же, сознательно или подсознательно, часто при этом он вкладывает свои идеи, стремления, взгляды, представления и мечты в написанный текст. Но, именно это и ценно в таких произведениях. Благодаря этому мы можем проникнуть в глубинные пласты сознания людей эпохи, попытаться понять их представления, понятия и взгляды на время, и окружающую их жизнь. Понимание же этого позволяет нам лучше понять мотивы и действия людей этого времени.

Но с другой стороны, хотя литература и «зеркало жизни», но часто оно бывает кривым или треснутым. И тогда отражаемые в нем события преломляются в некую пародию, гротеск или даже просто в пасквиль. Но, даже такое произведение может являться ценным источником по мировоззрению, восприятию и глубинным представлениям автора о предмете описания, как бы он отрицательно или положительно к нему не относился.

Поэтому, изучая любую эпоху исследователям чрезвычайно важно изучать и литературу этого времени, для, так сказать, более глубокого погружения в атмосферу, представлений и взглядов людей исследуемого периода. В том числе это важно и при изучении эпохи сталинизма, когда такие вещи обычно почти не были отражены не в каких официальных документах.

Среди разных жанров литературы можно выделить жанр, так сказать, «документальной» литературы, которая ставит своей целью на основе документальных зарисовок и свидетельств, а часто и дневниковых записей представить те или иные события, описать какую-либо территорию или местность, показать, что здесь происходит и так далее.

Особенно любопытно рассмотреть отражение «советского строительства», жизни местного населения окраинных районов Советского Союза и взглядов на последнее писателей и других представителей российской/советской интеллигенции сталинской эпохи в литературных произведениях этого периода.

Здесь, мне хотелось бы проиллюстрировать это на примере произведений двух (что, прежде всего, связано с ограниченностью объема настоящего исследования) авторов – Ивана Лукьяновича Солоневича (1891–1953) и Павла Николаевича Лукницкого (1902–1975). Они представляют совершенно различные, антиподные точки зрения и представления на события происходящих на далеких среднеазиатских республиках СССР. Думаю, что рассмотрение таких полярных точек зрения поможет понять психологию, представления, мировоззрение, оценки и взгляды про/антисоветско настроенной интеллигенции сталинской эпохи на жителей далекой среднеазиатской окраины Советского Союза и преобразований советской власти происходящих здесь. Это тем более важно, что, насколько мне известно, практически почти не было специальных исследований, посвященных восприятию, репрезентациям и взглядам на население, местные реалии и вообще не европейские территорий СССР – Среднюю Азию и Кавказ, – не только в эпоху сталинизма, но и в более поздние периоды советской истории. Хотя, при этом, существует ряд исследований подобного характера освещающего этот вопрос (правда только с точки зрения колониальных чиновников, путешественников и исследователей) в средне/центральноазиатском регионе в период второй половины XIX – начала XX века¹.

Итак, первым произведением, рассматриваемым мной, является книга И. Л. Солоневича «Памир. Советские зарисовки». В ней содер-

¹ Sahadeo J. Russian colonial society in Tashkent: 1865–1923. Bloomington-Indianapolis, 2007; Morrison A.S. Russian Rule in Samarkand (1868–1910). A Comparison with British India. New York, 2008; Махмудов О.А. «Одичалые французы» Памира. Население Памира и припамирских владений глазами русских военных и исследователей // CIAS Discussion Paper. Kioto, 2013. № 35 и др.

жится помимо указанного в названии книги, еще ряд «зарисовок» о советской действительности 1930-х годов. Здесь мы ограничимся рассмотрением, непосредственно связанной с рассматриваемой мной территорией, первой и основной части книги озаглавленной «Памир», хотя речь в ней идет в основном о разных частях Киргизии, от Иссык-Куля до предгорий Памира, а скорей всего Алая или Заалайского хребта. Книга издана в старой орфографии, как было принято в эмигрантских русских изданиях вплоть до 1940-х – 50-х гг., несмотря на то, что реформа русской орфографии была произведена еще в 1918 г.

Но перед тем так перейти непосредственно к рассмотрению произведения, думаю, стоит кратко остановиться на личности автора, без чего трудно будет понять содержание и стилистику этой публикации.

Иван Лукьянович Солоневич родился в 1891 г. недалеко от Гродно. До 1917 г. занимался журналистской деятельностью в разных изданиях. После Октябрьских событий 1917 г. и окончательного захвата власти в Петрограде большевиками Иван с семьей бежал на белый Юг России, в Киев, участвовал в Белом движении. Затем он продолжил свою подпольную деятельность в Одессе. С 1927 года он регулярно ездил в Ленинград под прикрытием журналистской работы и занимался подготовкой к побегу из СССР.

Готовясь к побегу, Солоневич не прекращал журналистской деятельности и изучения советской действительности. За довольно короткий срок он успел совершить множество поездок, осуществлённых под видом командировок от редакций московских газет и журналов. Побывал на Урале, в Поволжье, Карелии, Дагестане, Абхазии, Сванетии. Так, свою поездку в Киргизию он описал в нескольких статьях в журнале «На суше и на море», в завуалированной форме повествуя о неэффективности советской системы социалистического строительства. Скрытой целью поездок являлась разведка возможностей побега через персидскую границу, но при ближайшем рассмотрении Солоневич пришёл к выводу, что побег семейной группы по такому маршруту совершить невозможно¹.

Летом 1934 года Солоневичу вместе с сыном и братом удалось бежать в Финляндию. Умер Иван Лукьянович 24 апреля 1953 года

¹ Солоневич И. Л. Памир. Советские зарисовки. София, 1938. С. 61–62.

в столице Уругвая Монтевидео¹. Перу Солоневича принадлежит значительное количество статей и книг, написанных им в основном в эмиграции².

Итак, здесь мы остановимся на повести «Памир. Советские зарисовки»³, написанную и изданную Солоневичем уже в эмиграции в 1937 году. В ней содержатся описание реальных и вымышленных приключений Ивана Лукьяновича и его сына Юры⁴.

Стилистику и жанр, в котором написана повесть Солоневича можно охарактеризовать как памфлет, сатира, чуть ли не в стиле «Истории города Глупова» или «Господа ташкентцы» М. Е. Салтыкова-Щедрина, но доходящий порой, при описании особенностей быта и мировоззрения местного населения и особенно некоторых преобразований советской власти и до крайне гротескных форм, с известной долей желчи и даже злобы. Именно поэтому трудно назвать публикацию Солоневича документальным произведением, оно скорее именно литературно-сатирическое. Но, тем не менее, на его основании можно попытаться хоть отчасти реконструировать мировоззрение, взгляды и представления той части советской интеллигенции, которая была настроена «антисоветски» и «контрреволюционно», как на местное население окраин бывшей Российской империи, так и на преобразования советской власти здесь.

Практически с первых строчек повести мы видим презрительно-сатирическое отношение автора к советской действительности, когда он рассуждает о цене билета до Пишпека (Фрунзе) и вообще о ценности советских денег: «... в Советской России никто не считает на фунты стерлингов. Считают на фунты хлеба и сахара... Я думаю, что сладость советской жизни проще всего измерять сахарными единицами»⁵. Далее, он, рассуждая об «ужасах» советской действитель-

¹ Никандров Н. Иван Солоневич: народный монархист. М., 2007. С. 634–647.

² Солоневич И.Л. Россия в концлагере. София, 1935; Он же. Россия в концлагере. М., 1999; Он же. Памир. Советские зарисовки. София, 1937; Он же. Белая Империя. Шанхай, 1941; Он же. Белая Империя. Статьи 1936–40 гг. М., 1997; Он же. Статьи. Шанхай, 1942; Он же. Диктатура импотентов. Социализм, его пророчества и их реализация. Ч. 1. Буэнос-Айрес, 1949; Он же. Хозяин. Русская сказка. Буэнос-Айрес, 1952; Он же. Народная Монархия. Буэнос-Айрес, 1952; Он же. Роман во дворце Труда. Изд. 3-е. Буэнос-Айрес, 1953; Он же. Две силы. Роман из советской жизни. Борьба за атомное владычество над миром. Т. 1–2. Нью-Йорк, 1968; Он же. Наша страна. XX век. М., 2001 и др.

³ Здесь я пользовался вторым изданием книги: Солоневич И.Л. Памир. Советские зарисовки. София, 1938.

⁴ Никандров Н. Иван Солоневич: народный монархист. М., 2007. С. 84–109.

⁵ Солоневич И.Л. Памир. Советские зарисовки. София, 1938. С. 7–8.

ности, без всяких доказательств говорит, что из какой-то степной травы, которая будто бы содержит «тринадцать с половиной процентов никотина» и собираемой по принуждению кочевниками перерабатывается «таинственными заводами» в какую-то «особо симпатичную разновидность иприта». А далее еще похлеще: «Я потом видел, как тот же никотин, с таким великими трудами собранный киргизскими семьями..., авиационными бомбами падал на те же киргизские юрты – оставалось пустое место...»¹.

И подобными странными и голословными утверждениями Солоневича о советской повседневности наполнена вся повесть. При этом все это пишется легко, порой с тонким юмором и иронией, что читатель невольно начинает улыбаться, подаваясь мастерству писателя.

Еще одним сюжетом у Солоневича является описание большого животноводческого колхоза в Киргизии, управляемого неким Пархоменко. В описании автора, этот колхоз превращается в нечто абсолютно бессмысленное, дикое, управляемое при этом совершенно не сведущим в животноводстве человеком с авторитарными замашками самодура и барина. Возможно, все так и было, но в мастерском описании Солоневича все это превращается в гротеск и памфлет на все колхозное строительство в СССР.

Интересным моментом является описание встречи и путешествия автора с некой «Гео-ботанической экспедицией Академии Наук» возглавляемой профессором Кондратьева. Вот как Солоневич объясняет действие этой и подобной ей экспедиций: «Теперь я постараюсь объяснить, что значат все эти бесконечные геологические, ботанические, петрографические, топографические и прочие экспедиции. Они представляют собой своеобразную разновидность внутренней эмиграции России. ...Число постоянных участников таких экспедиций я определяю цифрой от пятидесяти до ста тысяч»². Далее утверждается, что большинство открытий этими экспедициями утаивается от советских властей из контрреволюционных и других соображений.

Вообще, большинство событий и фактов, изложенных в повести Солоневичем представлены в таком виде, чтобы читатели из русской эмигрантской среды, чувствовали, что советская власть не встречает сочувствия и поддержки у значительной массы насе-

¹ Солоневич И.Л. Памир. Советские зарисовки. София, 1938. С. 8.

² Солоневич И.Л. Памир. Советские зарисовки. София, 1938. С. 48.

ления, начиная от простых киргизов-кочевников и кончая интеллигентами-учеными. Что жить в Советской России это какой-то ужас и постоянная опасность быть арестованным или убитым. Все это конечно было приятно и ожидаемо читать русским эмигрантам, но конечно было далеко от реальной жизни в сталинском СССР, которая конечно не была райской, но все же не была настолько ужасной, как ее описывает Солоневич. Конечно, людей с мировоззрением и мироощущением как у Ивана Лукьяновича в СССР сталинской эпохи, да и позже, было достаточно. Но, произведение Солоневича, замечательно тем, что оно написано весьма талантливо, и отражает то представление, которое существовало у противников советской власти среди российской интеллигенции (как за рубежом, так и в СССР), а психологии человека свойственно то, что если во что-то веришь и что-то ненавидишь придавать этому негативные, неблагоприятные черты. Поэтому, возможно, Солоневич не лгал перед собой, описывая все эти «ужасы», а всего лишь переносил свое представление о Советской России и ужасах ее жизни на бумагу. По отношению же к местному населению текст повести Солоневича пестрит целым рядом «ориенталистских» штампов и представлений¹.

Второе произведение, рассматриваемое мной здесь, принадлежит перу Павла Николаевича Лукницкого. С 1930 он участвовал во многих экспедициях по Памиру, который и стал с тех пор темой целого ряда его литературных произведений разного жанра².

Рассматриваемая здесь книга Лукницкого, «Путешествия по Памиру», хотя и опубликована в 1955 году, но является итогом наблюдений и записей автора во время участия в ряде экспедиций на Памир, начиная с 1930 года. Эта книга представляет собой, в отличие от повести Солоневича, именно документальное освещение событий, нововведений советской власти и жизни населения Памира в 1930-х – начале 1950-х годов. При этом в работе имеются обширные отступления по истории Памира в эпоху средних веков и нового времени, а также географического и топографического изучения региона в имперский период.

¹ Солоневич И.Л. Памир. Советские зарисовки. София, 1938. С. 12–13, 25–26, 29–31, 32–34, 43–45 и др.

² Лукницкий П. *У подножия смерти*. (Памир. Очерк). Л.-М., 1931; *Он же*. Памир без легенд. М., 1932; *Он же*. Всадники и пешеходы. Л., 1933; *Он же*. Ниссо. М., 1946; *Он же*. За синим камнем. М., 1955; *Он же*. Путешествия по Памиру. М., 1955 и др.

Но в целом, книга Лукницкого представляет собой своеобразный документ своей эпохи, со всеми вытекающими отсюда представлениями, штампами и стереотипами.

Начинается книга чуть ли не с «контрреволюционных» мыслей некоего профессора Палея, об удобстве работы ученого в прежние времена, что в какой-то мере перекликаются с мыслями и взглядами профессора-контрреволюционера Кондратьева в книге Солоневича.

Но в отличие от Кондратьева, хотя Палей и не слишком доволен нынешними условиями работы, он, однако, не мыслит какими-либо контрреволюционными категориями. Конечно, это можно оправдать абсолютно просоветской позицией автора, который мог мышленному профессору Палею придать любые мысли.

Описания преобразований советской власти на Памире даны автором в несколько плакатно-восторженном стиле: «...советская власть уже проводит на Памире первые хозяйственные и культурные мероприятия, уже оказывает всяческую помощь темному и отсталому местному населению». Далее Лукницкий пишет что «... могли я себе представить в том 1930 году, что ...вскоре в селениях по рекам Памира возникнут многие десятки школ, амбулаторий, кооперативов, клубов? Что в областном центре – Хороге – появятся кино-театр, кустарные фабрики, своя областная газета, а затем и гидроэлектростанция, которая даст ток многим селениям в ущельях Гунта, Пянджа и Шах-Дары? Мог ли я думать, что самолет будет совершать регулярные пассажирские рейсы через высочайшие в Советском Союзе, обвешенные ледниками хребты? Ничего этого не было в 1930 году, и тогда изучая прошлое Памира, наблюдая настоящее, о его будущем я мог только мечтать»¹.

Как видно из приведенной цитаты, автор вполне разделял все предпринятые советской властью реформы, проводимые на Памире. Он считал, что это является великим достижением цивилизации и культуры, которую несла советская власть «отсталому местному населению» Памира и Припамирья. Но, при этом, что весьма любопытно, эта «ориенталистская» фразеология в значительной мере была весьма созвучна с теми представлениями и штампами, которые господствовали по отношению к «среднеазиатским окраинам Российской империи», среди русских колониальных чиновников и интеллигентных кругов до 1917 года.

¹ Лукницкий И. Путешествия по Памиру. М., 1955. С. 19.

То есть, как представитель и житель европейской России, Лукницкий, скорее всего, подсознательно разделял укоренившееся «ориенталистские» представления и взгляд на Среднюю Азию и ее жителей как на людей стоящих намного ниже в культурном отношении, которым российская/советская власть несет культуру и все блага цивилизации. Это вполне было характерно для 20-х – 30-х гг. XX века, когда сталинский СССР осуществлял свою национальную политику в Средней Азии. Конечно, все эти преобразования, в значительной мере объективно, были благом, но субъективно, они отчасти нанесли удар по многим местным древним традициям и обычаям. Я не говорю здесь, о том были ли эти обычаи и традиции хороши или плохи, рациональны или иррациональны.

И эти представления, видение и штампы по отношению к окраинам Советского Союза разделялись значительной частью советской/российской интеллигенцией сталинской эпохи, и только позже, они постепенно, да и то не полностью, начали исчезать.

Таким образом, два таких разных писателя, стоящих на совершенно разных политических, социальных и идейных позициях, как ярый «антисоветчик и контрреволюционер» И.Л. Солоневич и сторонник советской власти и ее преобразований П.Н. Лукницкий, по отношению к местному населению Средней Азии имели вполне близкие «ориенталистские» представления и взгляды, причем, вполне соотносимые с тем как видели и репрезентировали «азиатов» российские авторы, путешественники и колониальные чиновники до 1917 года. Хотя конечно, Солоневич в своих высказываниях о жителях Киргизии стоит намного ближе к колониальным авторам, а у Лукницкого все эти высказывания о памирцах имеют скорее положительные черты, но произведения обоих авторов носят отпечаток осознанного или неосознанного «ориентализма».